

К.А. Юдин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ
интеллигентоведения при ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет»

Партийно-политический контроль в сталинском СССР и Третьем Рейхе 1930-х гг.: проблемы истории и историографии

Данная статья¹ носит обзорный историко-историографический характер и посвящена отдельным аспектам становления систем партийно-политического контроля и их конкретных ведомств (Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и Службы безопасности(СД)) тоталитарных режимов 1930-х годов: сталинского СССР и нацистской Германии. Не претендуя на полноту и масштабность сравнительно-исторического анализа, автор, опираясь на ранее проделанные изыскания, предпринял попытку рассмотреть основные результаты, тенденции научных исследований в этой проблемно-тематической области, оценить их идейно-концептуальный потенциал. Кроме этого, автор касается актуальных и дискуссионных проблем, относящихся к сфере состояния исторической памяти, складывавшейся как из текущей имманентно-ретроспективной критики сущности тоталитарных режимов, осуществляемой их современниками, например, известным итальянским аристократом Юлиусом Эволой, так и из их восприятия в новейший период с учетом длительной временной дистанции.

Ключевые слова: тоталитаризм, сталинизм, Третий Рейх, национал-социализм, фашизм, партийно-политический контроль, историография.

Изучение тоталитарных режимов 1930-х гг., их контрольно-надзорного, репрессивного аппарата, без преувеличения, является одним из самых актуальных направлений современной исторической науки. Это обусловлено, прежде всего, тем огромным влиянием, которое оказал этот аппарат на весь ход истории XX века, на судьбы сотен тысяч и даже миллионов людей, испытавших, и не в одном поколении, последствия от жестоких политических экспериментов идеократической тирании.

Данная проблематика изначально обладала необычайно широким научно-исследовательским диапазоном, поскольку находилась в центре внимания ученых, публицистов, правозащитников и других представителей общественности. Только за новейший период 1990-2000-х годов вышли сотни наименований литературы по истории нацистской Германии и фашистской идеологии сталинизма [2,3,5,9,14,23,34,56,63,74],

[33], репрессий [32,39,70], проводились солидные конференции и «круглые столы», посвященные разным аспектам политической истории [1,28,29,46,50,60,61,65,75].

Обозреть этот поистине грандиозный массив трудов историко-политологического, социально-философского и иных тематических спектров даже в предельно общих чертах вряд ли представляется возможным. Поэтому уместно будет остановиться лишь на некоторых проблемах теоретического плана. Несомненной заслугой современной историографии тоталитаризма является, на наш взгляд, постановка проблемы в глобальный контекст, в масштабную, макроисторическую сравнительную перспективу. Об этом свидетельствует, в частности, конференция, проведенная в 2009 г. в Кемеровском университете [15], а затем совместный российско-германский проект, посвященный идеологии «особого пути» [25], основным итогом которых стало

утверждение синхронно-стадиальной близости становления диктаторских режимов в СССР и гитлеровской Германии, что нашло отражение даже в самих названиях этих научных форумов и отдельных публикаций [8]. Тем самым, были успешно закреплены и методологически верифицированы ранее предпринимавшиеся попытки поместить историю двух стран и их лидеров в этот проблемно-тематический курс [11].

В 2008 г. в исследовании Й. Горлицкого получил аргументированное обоснование идейно-институциональный фактор, который, по мнению автора, является ключом к отображению расхождений моделей тоталитарного развития двух диктатур. «Оба лидера, – писал он, – отвечали потребностям и соответствовали свойствам тех систем, которыми они руководили. Как величайший пропагандист и оратор, Гитлер возглавил связанное с агитацией масс партийное движение, чьи отношения с государством никогда не были закреплены или институционализированы. Как мастер бюрократической и организационной работы, Сталин руководил грандиозной, всепоглощающей иерархической структурой, в которой хорошо подготовленная партийная бюрократия, в значительной степени вылепленная им самим, играла все более значительную роль» [17, с.144]. Во многом автор демонстрирует солидарность с концепцией М. Бросцата, который подчеркивал особенность государственного управления в Третьем Рейхе. Она заключалась в намеренном поощрении и стимулировании «персонализированных сетевых организаций» – структур лидер-свита, воплощавших так называемую двухстороннюю коммуникативную модель «фюрер-принципа», предполагавшего личную преданность вождю Рейха в обмен на реальную самостоятельность на местах, предоставляемой территориальным единицам гау и охранным отрядам СС [94, с.91]. В то время, как в СССР Сталин ревностно следил не только за своими приближенными, но и за всей кадровой сетью, практически не допуская (за редким исключением) ни малейшего возвышения региональных лидеров, рас-

сматривая любую избыточную популярность, даже достигнутую покорным исполнением, как покушение на свое верховенство.

Об этом свидетельствуют его яростные атаки на февральско-мартовском пленуме 1937 г., направленные на беспощадное разоблачение «семейственности и групповщины» [41, с. 13], а также, по удачному выражению д.и.н. О.В. Хлевнюка, вмешательства в институциональные механизмы в виде «интервенций без правил» для напоминания о своей ведущей и непогрешимой роли Хозяина [77, с. 8].

Тем самым, и отечественные, и зарубежные историки параллельно пришли к выводам о принципиальном отличии административных практик двух режимов:

1) психополитической, «бюрократическо-секретарской» тирании Сталина, не связанной никакими реальными моральными и юридическими обязательствами, унаследовавшей стиль «чрезвычайщины» периода революции и гражданской войны, трансформировавшейся в различные военно-мобилизационные лозунги.

2) вождистско-харизматической ролью А. Гитлера как публичного пропагандиста и идеолога, чья власть имела более прочные правовые основания, происшедшие уже из задействования партийно-парламентских механизмов прихода к власти, оформившиеся затем в виде статуса рейхсканцлера и рейсхфюрера, легализации и формализации репрессий в виде «расовых законов». Как верно писал Ю. Царуски, «национал-социалистическая юстиция отличалась крайней жестокостью и несправедливостью, но при этом не была фикцией. Она оказалась не в состоянии так ловко бороться с «объективными врагами», как это виртуозно делали сталинские юристы, доказывавшие абсолютно все, в том числе и совершенно невозможное» [78, с.122].

Заметные гносеологические перспективы продемонстрировал информационно-когнитивный подход к истории сталинизма, в котором ключевая роль стала отводиться истории отдельных ведомств и сфокусированных вокруг них сфер влия-

ния, каналам прохождения информации. Как отмечал д.ф.н. А.Н. Медушевский, с позиций данного подхода сталинизм может быть определен, как «система, тяготеющая к установлению максимального контроля над информацией в интересах целенаправленного функционирования человеческими ресурсами» [42, с.148] Эти историографические результаты были подкреплены научными изысканиями в рамках теории политического контроля, истории цензуры, информационно-пропагандистских технологий таких исследователей, как Н.А. Володина [12], Т.П. Горяева [18], В.С. Измозик [26], О.Н. Калинина [31], С.А. Красильников [36;37], Е.А. Осокина [49], Т.М. Смирнова [64] и др.

Применительно к истории Германии, созвучные по ракурсу постановки проблем, – это работы В.О. Шлотгауэра, О.В. Штыкиной [80;82]. Они затронули системные характеристики сталинского режима, из которых складывался и внутривластный контроль. К ним принадлежали: социальная мобилизация и социальный иммунитет индивидов как ее обратная сторона, идеологическая сегрегация информационного пространства и порожденные ей коллективистские установки, образ врага, стремление к узурпации личного пространства и времени, партийно-политическая стратификация и основанные на ней критерии оценки поведения в обществе и т.д. Были даны дефиниции политического контроля, которые (несмотря на то, что сами авторы не выходят за границы конкретно-исторических рамок отечественной «ойкумены») применимы, как представляется, не только к истории сталинизма, но и ко всем тоталитарным системам, исходя из общности целей – подавления инакомыслия в интересах политического господства.

Так, д.и.н. В.С. Измозик определил политический контроль как «*систему регулярного сбора и анализа информации различными звеньями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных*

групп и организаций» [26, с.10]. Эту дефиницию дополнила Н.А. Володина. Соответственно, предложенное ей определение и в полной мере разделяемое нами звучит следующим образом. *Политический контроль – это имманентно присущее любому, но в особенности тоталитарному государству качество, представляющее собой комплекс мероприятий власти, направленных не только на контроль поведения индивида, всех социальных групп, но и на формирование мировоззрения и поведения основной массы населения на основе задаваемых идеологических канон и практических потребностей режима* [12, с. 26]. Развивая традиции изучения номенклатурно-распределительной системы как способа организации власти, В.П. Мохов выделяет 5 уровней управления: номенклатурный механизм контроля, партийный, административный, общественный и *внутрипартийный* контроль [См.: 45].

В этом же направлении, отчасти подхватив концептуальную эстафету, работали их зарубежные коллеги: А. Блюм и М. Веспуле [6], Дж. Истер [27], Ф. Нерар [47], Т. Ригби [97], С. Дэвис [21], Б. Штудер и Б. Уинфрид [81]. Эти авторы сделали смелую попытку проанализировать то, что можно назвать социологией власти – степень влияния государства на общественное сознание, соотношение между внешними, институциональными формами контроля и реальным содержанием внутреннего мира объектов воздействия.

С. Дэвис, Т. Ригби обращают внимание на сложность поведенческой модели советского человека в сталинском СССР, находившегося между «двумя мирами»: официальной культуры и «теневого», сложной из его личной социальной, мировоззренческой идентичности, в которую входили семейные связи, отношение к религии и т.д. [21, с.176;95, р.312-314]. А. Блюм, М. Веспуле и Ф. Нерар довольно подробно освещают технологию «чисток» в партии, предлагают классификацию «оппозиционного поведения», оценивая общий идеологический принцип функционирования органов контроля как «инструментализацию фактов в репрессивных

целях», когда прошлое становится на «службу» у настоящего [6, с. 28,267]. Б. Штудер и Б. Уинфрид непосредственного затрагивают сам механизм внутривнутрипартийного контроля и его составные звенья – партийные взыскания и социально-политические критерии их наложения на богатом архивном материале. Они приходят к интересным выводам о роли критики и самокритики как «ритуалов партийной жизни», выполнявших функцию политического контроля, направленного на «демонтаж личности» под угрозой исключения из партии как «социальной смерти» – уничтожение исконной идентичности и формировании новой «партийной ментальности» [81, с.10-11,89,125].

В то же время, несмотря на, казалось бы, солидный историографический задел, многие проблемы до сих пор остаются без внимания. Как можно убедиться из представленного обзора, партийный контроль изучен, главным образом, в его наиболее общих, системно-политических характеристиках. История же отдельных контрольно-ревизионных ведомств сугубо внутривнутрипартийного профиля, таких, как Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) в СССР и Служба безопасности (СД) (*Der Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS* (SD) в нацистской Германии оказалась за «кадром». Между тем, именно они играли ведущую, ключевую роль в стягивании силового поля политического контроля, поскольку воздействовали на общественное сознание через структурирующую информационно-политическую матрицу – партийную сферу ВКП(б) и НСДАП, являвшихся главными организационно-пропагандистскими трибунами как в сталинском СССР, так и в Третьем Рейхе.

Более того, интересно отметить, что процесс формирования контрольно-надзорного аппарата проходил не только практически полностью параллельно в своем институциональном облике, но и полностью соответствовал культурно-историческим, «цивилизационным ритмам» двух стран. И Россия, и Германия, пережили революции 1917-1918 гг., за которыми последовал период «государ-

ственного капитализма» Веймарской республики и новой экономической политики (НЭПа) в Советской России, завершившиеся на волне реваншистской телеологии становлением тоталитарных режимов правого и левого типа – гитлеризма и сталинизма.

В 1930-1934 гг. в СССР по инициативе Сталина проходила подготовка к реорганизации партийно-государственного контроля. Критиковался наркомат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) и центральная контрольная комиссия (ЦКК) как несоответствующие духу времени «развернутого социалистического строительства по всему фронту», обстановке, требовавшей качественной хозяйственно-политической перестройки, усиления «классовой бдительности» и мобилизации на борьбу с врагами в условиях нарастающей геополитической враждебности «капиталистического окружения», «внутренней контрреволюции». Уже в 1930 г. усилиями Сталина было ликвидировано так называемое «совещание замов» при председателе СНК, в которое входили смещенный с этого поста А.И. Рыков, некоторые его заместители и члены Совета труда и обороны (СТО). Это можно рассматривать как институциональную предпосылку выделения внутривнутрипартийного контроля в специальное ведомство. Его функциональным прототипом стала *Комиссия исполнения* в составе убежденных сталинистов – В.М. Молотова, А.А. Андреева, П.П. Постышева, Н.П. Шверника, созданная решением Политбюро от 23 декабря 1930 г. [69, с. 30-31]. Накануне этого, осенью, в письмах, адресованных Молотову, Сталин решительно настаивал на необходимости немедленного создания этого ведомства «с исключительной целью систематической проверки исполнения решений центра с правом быстрого и прямого привлечения к ответственности, как партийных, так и беспартийных за бюрократизм, неисполнение решений центра, нераспорядительность, бесхозяйственность и т.п.» [53, с. 222-223].

Итогом постепенного, целенаправленного массивного «медиативного эффекта», принявшего формы пропаган-

дистско-информационной манипуляции, попеременной расстановки акцентов – разоблачения недостатков и рефлексивной аккумуляции былых достоинств – стали «торжественные похороны» НК ЦКК-РКИ и институциональная рокировка с ужесточением контрольно-ревизионных полномочий, переданных в феврале 1934 г. специальному ведомству внутрипартийного надзора – КПК при ЦК ВКП(б), которая превратилась в особую коллегию судебно-следственного типа, призванную осуществлять жесткий, беспощадный идеологический и социально-экономический мониторинг за исполнением решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР без излишней «творческой самостоятельности» – «рационализаторских уклонов» [52, 1935, № 24, с. 28]. Нормативно-правовые основы функционирования аппарата КПК, по сути, сливавшиеся с идеологическими установками, были последовательно закреплены на XVII съезде ВКП(б), втором и третьем пленумах КПК в июне 1934 и марте 1936 гг. «Члены партии, – говорилось на съезде, – отказывающиеся правдиво отвечать на вопросы Комиссии партийного контроля, подлежат немедленному исключению из партии» [35, с. 145], а один из пленумов КПК призвал территориальные партколлегии вести «непримиримую борьбу со всеми классовыми врагами партии, с чуждыми элементами, обманным путем пробравшимися в партию», особое внимание уделять рассмотрению дел, связанных с «враждебными вылазками остатков контрреволюционного троцкизма, правых и “левых” оппортунистов, буржуазного национализма и великодержавного шовинизма» [52, 1934, № 20, с. 5].

Аналогичную роль по выявлению врагов партии и государства, поставлявшая Гестапо компрометирующие материалы, как КПК для НКВД в СССР, в нацистском государстве приобрела и Служба безопасности, возникшая в июне 1932 г. сначала как объединение информаторов под эгидой тогда еще штандантерфюрера СС Рейнхарда Гейдриха с одобрения Генриха Гиммлера [96, р.88]. К лету 1934 г. из вспомогательной структуры при «охранных отрядах» – СС (Schutzstaffel),

она фактически превратилась во информационно-аналитическую, разведывательную службу всей нацистской партии [2, с. 129] и переросла первоначально уготованные ей функции «домашней полиции» НСДАП [43, с. 175]. 4 июля 1934 г. рейхсфюрер СС, ближайшее доверенное лицо А. Гитлера – Г. Гиммлер – объявил ее «единственной политической контрразведывательной службой», а через полгода дал указание: «СД должна выявлять противников национал-социалистической идеи, возглавить их ликвидацию и вести всю контрразведывательную деятельность государственного полицейского аппарата». В соответствии с высказыванием Гиммлера врагами были «коммунизм, еврейство, масонство, ультрамонтанизм, деятельность политизированных конфессий и реакции» [76, с. 130].

Внешне и КПК в СССР, и СД в Третьем Рейхе обладали сходным статусом в системе ведомственной иерархии. Они наслаивались, вплетались в матрицу уже действовавших партийно-государственных и карательных учреждений как посредники-дубликаты их функций. Тем самым, КПК и СД получали потенциальную возможность претендовать на часть их полномочий, которые они полуполюгально отвоевывали изнутри в ходе межведомственного взаимодействия и информационного обмена. В то же время, как показывает даже поверхностный анализ, имманентные системно-институциональные параметры послужили регулятором пределов эволюции этих контрольно-надзорных ведомств. Деятельность СД в Третьем Рейхе изначально, во многом зависела от энергии и воли ее реальных и номинальных лидеровⁱⁱ, в первую очередь Рейнхарда Гейдриха, поэтому она, отражая его амбиции на самоутверждение в «тысячелетнем рейхе» начала претендовать на роль могущественной внутренней и внешней разведки, с 1935 г. разделившись на сектор «партийной информации» и «внешней разведки», доверенных Отто Олендорфу и Вальтеру Шелленбергу. Обладая более сложной структурно-политической конфигурацией, она стала конкурировать с Гестапо (Ge-

heime Staatspolizei), с военным Абвером, что принимало личностно-состязательные формы трений их руководителей и сотрудников: Гейдриха с Генрихом Мюллером (Гестапо), адмиралом В.Ф. Канарисом (Абвер), редактором националистической трибуны «Черный корпус» Гюнтером д'Алквенном.

Иначе складывалась система внутрипартийного контроля в СССР. Л.М. Каганович, Н.И. Ежов, а затем А.А. Андреев, сменявшие друг друга на посту председателя КПК, были «на коротком поводке», подвергались «дрессировке Кобы», как как-то выразился применительно к самому себе руководитель бюро Секретариата А.М. Назаретян [7, с. 262]. Поэтому они послушно воспроизводили общесистемные требования, без каких-либо претензий на неформальную экспансию, за исключением мелочно-деспотического произвола. Они выступали лишь наместниками-координаторами над работой сборщиков информации – партследователей и ответственных контролеров, отражая сложившуюся практику «обезличенного управления». Во всем аппарате КПК несколько более обособленным по своей устойчивости, стабильности положением обладал разве что бессменный заместитель председателя КПК М.Ф. Шкирятов, но и тот выступал лишь своеобразным «серым кардиналом», не приобретая какого-то привилегированного статуса, автономности «вотчинного типа», складывавшейся на основе сферы влияния, предоставленной ведомственными возможностями. Напротив, Сталин его ценил, как и всех своих соратников, за иные качества – преданность, исполнительность, а если и инициативу – то в строго очерченных пределах. [См.: 90]

Не было у КПК и никакой сети подслушивающих устройств, сложной радиотехнической и иной аппаратуры, специализированной и обученной агентуры, которой была снабжена СД по мере разрастания ее полномочий, о чем упоминает Шелленберг в своих мемуарах [79, с. 24]. Это позволяло СД составлять сводки – «вести из рейха» – по самым различным вопросам общественно-политической

жизни, что было оценено исследователями по достоинству как важный и живой исторический источник [57, с. 156], отличавшийся от предельно формализованных протоколированных материалов КПК.

Деятельность региональных филиалов КПК – партколлегий и уполномоченных – ограничивалась концентрацией на мельчайших, рутинных деталях «партийной жизни» – проверках учетных карточек и биографий коммунистов, отладки апелляционного механизма, рассмотрения жалоб и разрешение на местах конкретных сбоев в работе хозяйственных объектов – фабрик, заводов, госконтор. Так, например, в результате проверки, производившейся группой транспорта, отмечалось, что в работе телеграфных узлов Москвы, Куйбышева, Днепропетровска «имел место массовый брак, искажение и пропажа телеграмм, невыполнение контрольных сроков по обработке и доставке телеграмм, крайне низкое использование и безобразное отношение к аппаратуре». Уполномоченному Главлита Б. Коротину 3 ноября 1935 г. был объявлен выговор в связи с тем, что в романе Раисы Азарх «Бармия» им были пропущены искажения текста из речи В. Ленина на съезде Советов 6 июля 1918 г. [59, д. 57, л. 120]. В это же время, КПК вмешалась в деятельность наркомвода, указав, что его заместителем, т. Розенталем, «не было выполнено решение ЦК от 10.07. 1935 г. о порядке обслуживания советских пароходов в иностранных портах и не была организована проверка валютных расчетов с иностранными фирмами, что привело к валютным потерям», потребовав немедленного устранения выявленного нарушения [59, д. 65, л. 19,100].

Сфера внутрипартийного контроля СССР не выходила за пределы государственных границ и административных образований, а ее работа носила *предельно эксплицитный*, открытый характер, в том числе на уровне общественного представительства. В КПК имелась приемная, занимавшаяся сбором жалоб, обработкой персональных обращений (эту функцию КПК унаследовала от РКИ), связанных с трудовыми спорами, вопросами деловой,

партийной, служебной репутации личности, жилищно-коммунальными проблемами и бюрократическими коллизиями. Только за 1934-1935 гг. приемную посетило более 2000 чел. [52, 1935, № 24, с. 34].

Такой «арбитражно-конструктивной» нагрузки СД была полностью лишена. Более того, к началу и в период Второй мировой войны СД, совместно с эрзацгруппами Гестапо, действовала на оккупированной территории Чехословакии, Польши для обеспечения идейно-политической сегрегации – создания системы карточек, «чтобы указать, какие жители должны находиться под наблюдением, кто должен быть лишен паспорта и кто должен быть уничтожен» [67, с. 12]. Кроме того, изначально СД мыслилась как тайная, предельно законспирированная организация, низовые сотрудники вообще не должны были знать о том, куда предназначена собираемая ими информация. Функции СД, участвовавшей не только в информационном обеспечении гитлеровского режима, но и, судя по всему, напрямую в физическом уничтожении лиц еврейской национальности были закреплены в 1939 г. после создания объединенного контрольно-надзорного ведомства – Главного управления имперской безопасности – РСХА (Reichssicherheitshauptamt / RSHA) [20, с. 242], в которое вошли Главное управление полиции безопасности и СД. Это шаг отразил сходные процессы гиперцентрализации, сращивания партийного и государственного аппарата в виде сложной, эклектично построенной институциональной иерархической пирамиды, принципы действия которого не берутся объяснить, под час, даже современники.

Таким образом, становится очевидным, насколько обширно поле для проведения детального сравнительного анализа статуса. *Во-первых*, это вопросы эволюции СД, расширявшей диапазон применения и, с другой стороны, статичной консервации КПК после 1939 г. Тогда многие ее региональные филиалы были отозваны, а контроль за деятельностью местной администрации сосредоточился в партколлегии и бюро КПК при ЦК ВКП(б), о чем было заявлено на XVIII съезде ВКП(б) [52,

1939, № 12, с. 6]. Это можно концептуально рассматривать как зеркальное отражение политической зрелости сталинской диктатуры в виде пострепрессивной «разрядки» и кратковременного снижения интенсивности функционирования контрольно-репрессивного аппарата с помощью демонстративного бичевания за недостатки в период смены руководства: от Н.И. Ежова – к Л.П. Берии на посту наркомвнудела, в КПК – подведение итогов внутренних «чисток».

Во-вторых, перспективны направления разработки частно эмпирических моментов, а именно: структуры, материально-технического обеспечения КПК и СД, способов их приобщения к партийной кассе, снабжения и номенклатурного статуса кадрового корпуса, профессиональной компетенции агентов, информаторов, исполнителей СД и партследователей КПК, в отношении которых предприняты пока лишь робкие и скромные попытки изучения [89]. Известно, что финансирование КПК было полностью регламентировано, и по статусу ее кадровый состав вписывался в учетно-распределительную систему партийно-государственного аппарата. Оклады руководителей секций – ответственного секретаря партколлегии и уполномоченного КПК, приравнивались к соответствующим ставкам секретарей крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий, а для партследователей и ответственных контролеров – к окладам заведующих отделов / инструкторов соответствующих партийных подразделений [59, д. 20, л. 11]. Таким образом, из этого вытекает важный вывод о двойственном статусе КПК. Будучи материально «прикованной» к местной партийной кассе, тем не менее, КПК и ее региональные «филиалы» обладали абсолютной политической автономией в виде статуса независимых «ставленников ЦК», в чем и заключался смысл произведенной в середине 1930-х гг. реформы.

Положение Службы безопасности было более зыбким, что было связано с сохранявшимся педантичным разграничением на сферу партийную, и, если так можно выразиться, «чисто государственную». Поэтому, если верить отрывочным

сведениям, предоставленным еще советскими историками, то снабжение СД проходило как по линии имперской канцелярии, так и по «частным каналам», из фондов «монополистического капитала» [43, с. 177].

Так или иначе, но все это требует дополнительного изучения. Не имея возможности подробно останавливаться на этих сюжетах, отметим, что во многом препятствием для плодотворных исследований в этой области были и продолжают оставаться не только недоступность источниковой базы, сохранение секретности соответствующих фондов архивов, но и незавершенность деидеологизации исторической науки, продолжающей жить прежними историко-партийными штампами и стереотипами. Например, история КПК оказалась вытесненной на периферию под влиянием неблагоприятных конъюнктурных обстоятельств и тенденциозности советской исторической науки.

Долгое время изучение внутрипартийного контроля носило предельно синкретичный характер, сливаясь с официальной историографией ВКП(б)-КПСС – организационно-пропагандистским направлением ее деятельности. Только в 1965-1970-х гг. вышло более 1800 типовых, за редким исключением, работ на эту тематику [66, с. 20,27]. В период ликвидации «культы личности» Сталина на разработку подобных сюжетов, связанных с его наследием, вообще был наложен запрет. Все внимание было обращено на наркомат РКИ и ЦКК, в изучении которых видели обращение к «духу очищенного ленинизма» [19,38,44]. А в перестроечное и постсоветское время история органов внутрипартийного контроля уже просто затерялась на фоне более привлекательных сюжетов, связанных с коллективизацией, индустриализацией, историей «большого террора».

Общей проблемой, как для российской, так и для германской истории становится появление всевозможных ревизионистских теорий. К числу таковых можно отнести концепции «социального конструктивизма», «модернизации». Они списывают ответственность за проведение

репрессий, которые, по их мнению, носили хаотический и беспорядочный характер в виде необходимого ответа вождей на давление масс, активность «снизу», в том числе в виде локальных микро культов секретарей партийных комитетов и гауляйтеров. В результате и Сталин, и Гитлер представлены как «слабые диктаторы», жертвы неуправляемой системы [См об этом: 24,40,51]. В этом свете контрольно-карательные ведомства выглядят либо как попавшие в зону турбулентности выразители «административных дискурсов», сами по себе дрейфующие в океане социально-повседневного становления. Либо – как органичные компоненты гигантского механизма – инструменты, работающие (неважно, какими методами и какой ценой) ради «благой цели» – индустриальной модернизации стран.

Сложнее ситуация обстоит с собственно историографией политического контроля Третьего Рейха, в первую очередь, в плане теоретико-методологических координат. До сих пор не проведено должное размежевание между национал-социализмом и фашизмом как двумя идейно-политическими вариациями, ответвлениями широкого фронта «консервативной революции» – идеологии «Третьего пути» [22], *в чистом виде*, стоящей вне всяких партийно-парламентских флуктуаций и диктаторского волюнтаризма. Многие даже современные отечественные исследователи [48,71,72] вслед за своими советскими [13,16,62,] предшественниками продолжают неправомерно использовать понятия «германский фашизм», «фашистская Германия», истолковывая фашизм либо в собирательно-расширительном значении как общее обозначение преступлений против человечества и насильственных акций, либо полностью воспроизводят положения марксистской историографии. И целиком опираются на данное еще на XIII пленуме исполкома Коминтерна классовое определение фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, шовинистических и империалистических элементов финансового капитала» [93, с. 589].

Не лучшим образом дело обстоит и в зарубежной исторической науке, где аналогичная конъюнктурно-дискурсивная, феноменологическая описательность принимает обличье разного рода пафосно-патетических конструкций и терминологии. Это так называемые: «ванситтартистские» [95], «модернистские»/«антимодернистские», психоаналитические теории [См.: 30, с. 561-600], которые при всем мнимом разнообразии не отходят от прежних идеологизированных дихотомий: марксизм – антимарксизм, революция – контрреволюция и т.п., что например, полностью подтверждает Э. Нольте, трактующий фашизм не иначе, как «антимарксизм, который стремится уничтожить противника благодаря созданию радикально противостоящей и тем не менее соседствующей идеологии и применению идентичных, хоть и модифицированных методов...» [97, s. 49]. Критика идеологии и ее институциональных воплощений по-прежнему ведется исключительно с левацких, либерально-демократических позиций при полном игнорировании правого политического поля. Общим методологическим заблуждением при этом является отождествление сфер идеального и реального, а именно: смешение чисто доктринальных установок, внутренней эйдетики и политической практики.

Известно, что и национал-социализм, и фашизм подвергся критике еще в период их становления со стороны родственных им идейных «платформ», например, традиционализма. К числу крупнейших представителей таковой принадлежит барон **Юлиус Эвола**ⁱⁱⁱ. Уже в работах, написанных в 1930-40-х гг. [84, с. 87-93; 85, с. 94-104; 87, с. 202-212], он подчеркивал *антибуржуазную* заостренность подлинного консерватизма, не имеющего ничего общего с промышленной олигархией, «воротилами капитала», которые были главной мишенью беспощадной критики со стороны коммунистов. Утверждал Эвола и разрыв с взятой самой по себе расовой сегрегацией и натуралистическим «отбором по крови» в ущерб общности духа как высшей форме единения, способ-

ного привести к *органичному государству*, основанному на конструктивной иерархии, построенному по принципу «трансцендентального универсализма» – интеграции различий и их упорядочения с помощью авторитетной власти имперского уровня. Эвола усматривал в фашистской и национал-социалистической идеологиях лишь ростки «доктрины пробуждения» – освобождения от пут индивидуализма и «демонизма коллективизма» [86, с. 193], заложенного в прогрессистских, технико-экономических цивилизациях пространственно-временного расширения. К ним он относил большевистскую Россию и Америку, представляющих две иллюстрации далеко зашедшего процесса инволюции – перехода от высшего к низшему. От героических эпох метафизического напряжения личности и духа к буржуазному эгалитаризму и пролетарскому корпоративному братству, мрачной смеси разных патологических экзистенциалов – индивидуалистической вседозволенности при рабской скованности служения обществу и абсурдным «вызовам времени».

В этом, в культуре благородного духа «светоносного присутствия» [83, с. 238-239], верности принципам, имеющим надвременное, априорно истинное узаконение: размеренности, аскетизма, созерцательного спокойствия, умиротворения, скрепленного памятью, логикой и общим этосом внутреннего достоинства и силы, и заключается существо подлинной идеологии «Третьего пути». Он является альтернативой и коммунизму, и либерализму, и воинствующему национал-социализму, фашизму в их *агрессивно-политическом, расистско-дискриминационном* выражении.

Между тем, приходится констатировать, что в большинстве своем научная и общественно-политическая мысль еще очень далека от осмысления этого, за исключением разве что геополитики как направления историографии, где определенный задел в этой области все же имеется [4,54,55,58,73]. Даже в солидных исследованиях можно встретить элементарные ошибки, когда правую сторону в буквальном смысле путают с левой и перено-

сят характеристики, относящиеся к коммунистическому режиму – на национал-социализм, фашизм, или даже всю консервативную идеологию. Так, уже упомянутые А.А. Аникеев и др. утверждают, что правоконсервативная идеология эффективна, поскольку «апеллирует к страстям, врожденным инстинктам, чувствам человека...» [2, с. 14], хотя эти свойства целиком относятся к прямо противоположному флангу – леворадикальному ускорению, общинно-коллективистскому, социалистическому нивелированию.

Следствием этого стало искажение интеллектуального пространства и исторической памяти в целом за счет встречных процессов очернения истории Германии 1930-х годов в стыдливом духе «Германия, которой не было» и, наоборот, идеализации сталинской России как борца с империей «абсолютного зла». Как верно заметил на конференции председатель общества «Мемориал» А.В. Рогинский, «сегодня память о войне [Великой отечественной], подменена памятью о победе» [28, с. 24]. Остается добавить: а сталинский террор – мифами национально-патриотического великодержавия, «порядка» и благотворной роли «сильной руки». «В отличие от нацистов, – пишет тот же Рогинский, – которые в основном убивали чужих: поляков, русских, немецких евреев (тоже не совсем «своих»), – мы губили именно своих, и сознание отказывается это принимать» [28, с. 22].

И если в отношении трагедии еврейского народа в нацистской Германии и вообще в мире никогда не возникало и не возникает никаких сомнений, то, судя из имманентной логики и тенденций российской историографии, ее морально-оценочных суждений, неумолимо пробирающихся над частно-эмпирическими зарисовками «чисток», произвола органов госбезопасности в партии и иных сюжетов, вопреки всем риторическим формулам «воздаяния справедливости», славянская общность (русское, украинское, белорусское крестьянство) оказывается и выглядит как «необходимая» жертва, которую нужно было принести для удовлетворения грандиозных планов «модерни-

зации». А материальное наследие, военно-оборонный комплекс становятся дороже человеческой жизни. Все это до сих пор оправдывается благодаря поистине гипнотической сакрализации власти в России. Об этом верно писал В.С. Булдаков, говоря, что с помощью этого «осуществляется утверждение незыблемости властного начала на «психологическом уровне», а «всякий человек власти, на совести которого тысячи жертв, автоматически перемещается из мира уголовного – в сферу исторического величия» [10, с. 244]

Подводя итоги, отметим, что все эти фундаментальные, глобальные вопросы требуют дальнейшего тщательного изучения, расстановки и верификации концептуальных акцентов. История не должна становиться ареной национально-этнического, конфессионального, идейно-политического и иного партикулярного самоутверждения и амбиций. Ее неизменным и мудрым спутником должна быть философия, призванная помочь постичь смысл происходящего во всей своей полноте, целостности и единстве. Только при помощи этой интеграции наук и сфер можно будет достигнуть объективного понимания бытия культур, времен, их институциональных инструментариев, соотносить функциональные свойства контрольно-надзорного аппарата, его практически-силовых установок с теоретическими доктринами.

Библиографический список:

1. Административно-командная система управления: проблемы и факты: Межвуз. сб. науч. работ. М., 1992.
2. Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура, функции. Ставрополь, 2000.
3. Артамошин С.В. Идеиные истоки национал-социализма. Брянск, 2002.
4. Бандурин М.А. Геополитическая ситуация в Европе накануне и во время Второй Мировой войны во взглядах правых европейских мыслителей – Карла Шмитта, Мартина Хайдеггера, Юлиуса Эвола // Интеллигенция и мир. 2013. № 2.
5. Белоусов Л.С., Шумаван А. История фашизма и его преодоление в единой истории Европы XX века // Полис. 1999. № 4.

6. Блюм А., Веспуге М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М., 2006.
7. Большеви́стское руководство. Переписка. 1912-1927. Сб. документов / Сост. А.В. Квашонкин и др. М., 1996.
8. Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999.
9. Борозняк А.И. «Третий Рейх» в современной историографии ФРГ // Новая и новейшая история. 1999. № 10.
10. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
11. Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск, 1994.
12. Володина Н.А. Становление и развитие советской системы политического контроля в 1917-1953 гг. (На примере Среднего Поволжья). Автореферат дисс. д.и.н. М., 2010.
13. Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989.
14. Галкин А.А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. 1995. № 2.
15. Германия и Россия в XX веке: две тоталитарных диктатуры, два пути к демократии: материалы международной научной конференции, посвященной 10-летию объединения Германии. Кемерово, 19-22 октября 2000. Кемерово, 2001.
16. Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972.
17. Горлицкий Й. Сталинская диктатура в сравнительной перспективе // [28]
18. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991. М., 2009.
19. Гусев К.В. Краткий очерк истории органов партийно-государственного контроля в СССР. М., 1965.
20. Деларю Ж. История Гестапо. Смоленск, 1998.
21. Дэвис С. Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие. 1934-1941. М., 2011.
22. Дугин А.Г. Консервативная революция. (Краткая история идеологий Третьего пути) // Элементы. 1991. № 1. Доступно на: <http://elements.jenin.ru/1konsrev.htm> Последнее посещение: 25.10.2014.
23. За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011.
24. Игрицкий Ю.И. Тоталитаризм: лекарство от демократии // Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов. Сб. статей, обзоров, рефератов, переводов. Ч. 1. М., 1993.
25. Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержания, последствия / Под ред. Э.А. Паина. М., 2010.
26. Измозик В.С. Политический контроль и сыск: методологические аспекты. // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997.
27. Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.
28. История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011.
29. История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9-11 октября 2009 г. М., 2011.
30. История фашизма в Западной Европе. М., 1978..
31. Калинина О.Н. Партийно-государственный контроль в номенклатурной системе (вторая половина 1940-х – начало 1960-х годов) // Исторический ежегодник. 2011: Сб. науч. тр. Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2011.
32. Кан А. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечественная история. 2003. № 1.
33. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009.
34. Корнева Л.Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945-1990-е годы). Кемерово, 1998.
35. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. 1933-1937. М., 1985.
36. Красильников С.А. Дискриминация в постреволюционном российском/советском обществе как исследовательская проблема: некоторые заметки // [29]
37. Красильников С.А. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, формы, функции // [28]
38. Краснов А.В. ЦКК-РКИ в борьбе за социализм (1923-1934 гг.) Иркутск, 1973.

39. Литвин А.Л. Российская историография Большого террора // У источника: сборник статей в честь члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова. М., 1997.
40. Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерки истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5.
41. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 // Вопросы истории. 1995. № 11-12.
42. Медушевский А.Н. Сталинизм как модель. Обзорение издательского проекта «РОС-СПЭН» История сталинизма» // Вестник Европы. 2011. Т. XXX.
43. Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933-1945. М., 1987.
44. Москаленко И.М. Органы партийного контроля в период строительства социализма. М., 1981.
45. Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990). Пермь, 1998.
46. «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: материалы Международной научной конференции. Спб., 2001.
47. Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928-1941). М., 2011.
48. Ольшанский В.В. Становление социально-политической мифологии фашизма: на материале гитлеровской Германии. Дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
49. Осокина Е.А. О социальном иммунитете или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // [28]
50. Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001.
51. Павлова И.В. Современные западные историки сталинской России 30-х годов (критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5.
52. Партийное строительство: орган ЦК ВКП(б). Изд. в 1929-1946 гг.
53. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925-1936 / Сост. Л.П. Кошелева, В.С. Лельчук, В.П. Наумов и др. М., 1995.
54. Пленков О.Ю. Идеологические основания и практика нацистской геополитики в Восточной Европе // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI - XX вв. М., 2002.
55. Пленков О.Ю. Нацистские и консервативные геополитические представления (сравнительный анализ) // Из истории международных отношений и европейской интеграции. Воронеж, 2003.
56. Пленков О.Ю. III Рейх. Социализм Гитлера. СПб., 2004.
57. Пленков П.Ю. Третий Рейх. Арийская культура (Секретные материалы). Спб., 2005.
58. Рахшмир П.Ю. Вариации на тему консерватизма. Пермь, 2004.
59. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 589. Оп. 4.
60. Россия: государство, общество, личность: Материалы межвуз. науч. конф. М., 1997.
61. Россия в XX веке: историки мира спорят: Сб. ст. М., 1994.
62. Сегаль Н. Аграрная политика германского фашизма. М., 1938.
63. Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991.
64. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917 – 1936 годы. М., 2003.
65. Соскин В.Л. Об исторических корнях сталинизма как разновидности тоталитаризма // Международный научный семинар: Закономерность, угроза, вызов. Новосибирск, 1995.
66. Спириин Л.М., Савицкая Р.М. Публикации и исследования по истории Коммунистической партии Советского Союза за 1965-1970 годы. М., 1970.
67. СС в действии. Документы о преступлениях. М., 2000.
68. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951.
69. Сталинское политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин М., 1995.
70. Степанов М.Г. Репрессивная политика советского государства в 1928-1953 гг.: проблемы российской историографии. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Улан-Удэ, 2009.
71. Степаненко С.Г. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению преступлений фашисткой Германии на территории Краснодарского края. Дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 2010.
72. Тишков С.Л. Особенности формирования массового политического сознания в условиях тоталитаризма: на примере фашизма Германии. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004.
73. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово, 2011.

74. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.
75. Тоталитаризм и личность. / Материалы Всероссийской конференции. Пермь, 1994.
76. Хене Х. Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2003.
77. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2012.
78. Царуски Ю. Некоторые аспекты идеологии «особого пути» в правовом дискурсе двух диктатур – национал социализма и сталинизма // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержания, последствия / Под ред. Э.А. Паина. М., 2010.
79. Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары. Минск, 1998.
80. Шлотгауэр В.О. Карательные органы Советского государства и нацистской Германии в 30-е годы. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.
81. Штудер Б., Уинфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурса в Советском Союзе 1930-х гг. М., 2011.
82. Штыкина О.В. Информационно-пропагандистские технологии в прессе Третьего Рейха. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2011.
83. Эвола Ю. Благородный дух // Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. статей. Тамбов, 2009.
84. Эвола Ю. Критические замечания о национал-социалистическом расизме (1933) // Эвола Ю. Империя солнца. Сб. ст. Тамбов, 2010.
85. Эвола Ю. Недоразумения научного расизма // Эвола Ю. Империя солнца. Сб. ст. Тамбов, 2010.
86. Эвола Ю. О духовных предпосылках европейского единства // Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. статей. Тамбов, 2009.
87. Эвола Ю. Рейх и империя как элементы нового европейского порядка (1942) // Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. статей. Тамбов, 2009.
88. Энциклопедия Третьего Рейха. М., 1996.
89. Юдин К.А. Внутрипартийный контроль в СССР 1930 – начала 1940-х гг.: идейно-институциональный облик. Иваново, 2015.
90. Юдин К.А. Матвей Фёдорович Шкирятов // Вопросы истории. 2015. № 2.
91. Юдин К.А. Национал-социализм, фашизм во взглядах Юлиуса Эволы и некоторые теоретические проблемы консерватизма // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1.
92. Юдин К.А. Традиционализм барона Юлиуса Эволы: об идейных исканиях консервативного революционера // Философские науки. 2014. № 7.
93. XIII пленум Исполнительного комитета Коммунистического интернационала. Стенографический отчет. М., 1934.
94. Broszat M. The Hitler State: The Foundation and Development of the Internal Structure of the Third Reich. London, 1981.
95. Herf J. Reactionary modernism. Technology, culture and politics in Weimar and Third Reich. New York, 1984.
96. Lumsden R. Himmler's Black Order. A history of SS. 1923-1945. Sutlon, 2005.
97. Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. Munchen, 1963.
98. Rigby T. Reconceptualising the Soviet System // Development in Soviet and Post-Soviet Politics. London, 1992.

© Юдин К.А., 2015.

ⁱ *Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI в.: виртуальность и реальность».*

ⁱⁱ В качестве таковых в литературе называют министра внутренних дел Вильгельма Фрика, Г. Гимmlера, Р. Гесса, М. Бормана. См.: [88, с. 420-421] Но на практике все руководство СД принадлежало Р. Гейдриху. Остальные, как представляется, фигурировали в роли дополнительных «протекторов» по мере пересечения каналов субординации ведомств. – прим. авт.

ⁱⁱⁱ Для более детального ознакомления со взглядами мыслителя и подробного разбора вопросов, касающихся сущности идеологий, мы отсылаем к нашим статьям,

расположенным в библиографическом списке под № 91, 92. – прим авт.